

ОЧЕРК 7

Н. Е. ОНЧУКОВ

(Любительская линия в фольклористике)

В начале XX в. отечественная фольклористика, на чем мы принципиально настаиваем, была уже зрелой, сложившейся дисциплиной и, следовательно, в основном создавалась профессионалами — людьми, закончившими историко-филологический факультет и специализировавшимися на изучении народной поэзии. Время на П. В. Киреевского (1830-е—1840-е гг.), когда чуть ли не вся фольклористика по сути дела определялась деятельностью его частного любительского кружка, давно ушли в прошлое. Стал историей и тот период, когда основное содержание науки заключалось в поощрении Русским географическим обществом и Академией наук провинциальных любителей «живой старины», присылавших в Петербург свои материалы. Даже такие выдающиеся собиратели, как П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг, работавшие в 1860—1870-е гг., едва ли могут называться профессиональными фольклористами. Оба они (один — выпускник Московского университета, находящийся под надзором полиции, другой — благополучный статский генерал) были прежде всего государственными чиновниками. Народная поэзия была для них лишь увлечением, хобби, но не профессиональным поприщем. К концу же XIX в. фольклористика наконец сосредоточилась в руках профессионалов, каковыми были А. Н. Веселовский и В. Ф. Миллер. Таковыми же были и Е. В. Аничков, А. В. Марков, В. Н. Андерсон, Б. М. и Ю. М. Соколовы, А. Д. Григорьев, Д. К. Зеленин, чья деятельность определяла собой состояние науки в начале XX в. И тем не менее «любительская» линия продолжала играть важную роль в фольклористике 1900—1910-х гг., внося в нее непосредственность и свежесть отдельных наблюдений в сфере народного быта и культуры. А. Балов, П. А. Диляторский, Д. И. Успенский, А. Ф. Можаровский, Г. Цейтлин — эти и другие фольклористы-непрофессионалы занимали заметное место в предреволюционной науке. Никто из них, конечно, не может быть поставлен в один ряд с учеными, чья деятельность является предметом нашего рассмотрения. Но несмотря на это, и в начале XX в. «любительская» фольклористика, как и в 1840-е гг. (вспомним имена Н. М. Языкова, П. И. Якушкина, Н. П. Борисова и других), все еще была способна выдвинуть из своей среды людей, чей вклад в науку может быть определен как выдающийся. К таковым, в частности, относится Н. Е. Ончуков.

Николай Евгеньевич Ончуков был земляком Д. К. Зеленина. Он родился в городе Сарапуле Вятской губернии в марте 1872 года. В документах имеются две разные даты его рождения. В автобиографии ученого называется 3 марта;¹ в «Воспоминаниях о детстве», написанных Н. Е. Ончуковым и переписанных его двоюродным братом, указывается 5 марта.² Отец будущего фольклориста, Евгений Иванович, занимался торговлей. Мать, Мария Владимировна, из семьи купцов Башмаковых, умерла, когда ребенку было всего три месяца. Мальчик сначала воспитывался в поселке Воткинского завода у бабушки. В 1878 г. он вместе с нею переехал в Сарапул к своему отцу. Здесь семи лет Н. Е. Ончуков поступил учиться в приходское училище. «Я рано пристрастился к чтению и читал, конечно, сначала сказки. И слушать их я любил очень. Выпало, новый кучер или кухарка от меня не отвяжутся», — вспоминал Н. Е. Ончуков.³ Как видим, истоки интереса ученого к устному народному творчеству находятся в его детстве — в провинциальной обстановке маленького городка, на улицах которого звучала песня, а одним из вечерних развлечений становилась сказка.

После окончания уездного училища продолжить образование Н. Е. Ончуков смог лишь через несколько лет. В 1890 г. он поступил в школу лекарских помощников в Казани, где учился до 1893 г., затем несколько лет проработал фельдшером в различных деревнях Пермской губернии. Н. Е. Ончукову пришлось участвовать в борьбе против эпидемии тифа — он сам заразился и переболел этой болезнью. Переселившись в Пермь, Н. Е. Ончуков поступил на службу в больницу пересыльной тюрьмы. В пермский период своей жизни будущий ученый начал сотрудничать в местных и столичных газетах. Журналистика, таким образом, стала первой областью, где проявились его гуманитарные наклонности.

Где-то на рубеже двух столетий, уже зрелым человеком, Н. Е. Ончуков переехал в Петербург. Здесь на протяжении нескольких лет он печатал небольшие заметки в различных периодических изданиях («Неделя», «Сын отечества», «Северный курьер», «Новое время» и др.). В это же время Н. Е. Ончуков наладил контакты с Этнографическим отделением Русского географического общества. Нам не известно, как произошло это очень важное для него событие, но к лету 1900 г. у Н. Е. Ончукова установились настолько крепкие связи с этим научным учреждением, что с открытым письмом РГО он отправился в свою первую экспедицию — в Чердынский уезд знакомой ему Пермской губернии. Цель поездки — сбор материалов по этнографии. В чисто фольклорном отношении результаты экспедиции были весьма незначительны: 58 песен, 23 сказки, несколько при читаний.⁴ В этот период, видимо, еще не сформировались фольклористические интересы собирателя. В очерке «По Чердынскому уезду», напечатанном в 1901 г. в «Живой старине», он делился впечатлениями о своей поездке: подробно описывал путь, рассказывал о строившихся на реке Вишере заводах, предназначенных для выплавки чугуна, приводил вогульские (манси) легенды, излагал историю местного раскольничества и т. д. В общем, очерк «По Чердынскому уезду» но-

сил чисто описательный характер и не претендовал на какие-то серьезные выводы.⁵ Тем не менее острые наблюдательность экспедиционера была замечена в научных кругах. За эту работу Н. Е. Ончуков был награжден малой серебряной медалью РГО. В марте 1901 г. собиратель был выбран членом-сотрудником Общества;⁶

Поездка по Чердынскому краю послужила началом превращения журналиста в ученого. Путешествия по глухим уголкам России увлекли Н. Е. Ончукурова, и на протяжении 1900—1907 гг. он совершил шесть экспедиций по заданию РГО и ОРЯС: 1900 — Чердынский уезд, 1901 — первая поездка на низовую Печору, 1902 — вторая поездка на низовую Печору, 1903 — экспедиция в Поморье (Кандалакшский, Терский, Мурманский берега и Архангельский уезд Архангельской губернии), 1904 — поездка в Олонецкую губернию (Петрозаводский, Пудожский, Каргопольский, Повенецкий уезды), 1907 — экспедиция в Архангельский и Онежский уезды Архангельской губернии.

Экспедиция 1901—1902 гг. на низовую Печору в Усть-Цылемскую и Пустозерскую волости сделали Н. Е. Ончукурова первооткрывателем мощной эпической традиции в этом регионе. Первые сведения о былинной традиции в бассейне Печоры собиратель получил еще в 1900 г. Здесь на реке Вишере (приток Печоры) он записал два небольших отрывка про «Микиту Добринтьевича».⁷ Это маленькое открытие совпало по времени с северными поездками А. В. Маркова на Зимний берег (1898—1899) и А. Д. Григорьева в Поморье, на Пинегу и Кулой (1899—1900). В русле экспедиционных работ, развернутых с целью поисков следов былинной традиции на севере России, естественно у кого-то из ученых должна была возникнуть мысль о Печоре, самой восточной из больших североевропейских рек. Н. Е. Ончуков, не получивший необходимой профессиональной подготовки, но наделенный поразительным чутьем в области практической фольклористики, решил присоединиться к разысканиям песенного эпоса на Русском Севере. Он избирает для себя Печору. Кстати, отметим, что за десять лет до него здесь уже побывал Ф. М. Истомин, человек достаточно опытный в собирании фольклора, и решительно заявил об отсутствии былевой традиции в этом регионе.⁸

В середине лета 1901 г. Н. Е. Ончуков оказывается на Печоре. Это была не очень удачная пора для записи народной поэзии: большая часть населения отправилась на рыбные промыслы. Результатом первой печорской экспедиции стали всего лишь семь былинных текстов.⁹ На следующий год собиратель приехал сюда в апреле, когда крестьяне еще не были заняты промыслами. На этот раз ему удалось записать 46 эпических сюжетов (с вариантами — 82 текста). Кроме того, в тетрадях Н. Е. Ончукурова были зафиксированы 9 духовных стихов (с вариантами — 15), 44 песни, около 50 сказок.¹⁰ Обозначенное жанровое разнообразие, впрочем, отнюдь не свидетельствует об установке Н. Е. Ончукурова на всестороннее обследование местной традиции. Целью экспедиции, повторяем, была запись эпоса. Сказки и песенная лирика для Н. Е. Ончукурова являлись лишь попутным, во многом случайным материалом.

«Печорские былины» — книга, которая принесла журналисту Н. Е. Ончукурову имя в научных кругах, — были напечатаны очень быстро. Уже в 1904 г. в «Записках Русского географического общества»

ства по отделению этнографии» читатели увидели результаты трудов Н. Е. Ончукова.¹¹ За это собрание фольклорист был награжден малой золотой медалью РГО. Отзыв о его работе давал А. И. Соболевский. Отметив, что Н. Е. Ончуков явился открывателем печорской эпической традиции, А. И. Соболевский высоко оценил вводную статью собирателя: «Сборник былин снабжен у Н. Е. Ончукова обширным предисловием, сообщающим данные о Печорском крае и его населении (...) Интерес этих данных может быть приравниваем только к интересу известной статьи Гильфердинга об онежских сказителях».¹² Работа «непрофессионала» Н. Е. Ончукова нашла самый широкий отклик в фольклористическом мире. В. Н. Перетц отмечал: «Новизна и ценность материала делают книгу г. Ончукова важным вкладом в научную литературу, посвященную русскому эпосу».¹³ А. В. Марков указывал, что «выдающийся интерес для занимающихся русским эпосом представляют новые сюжеты, обнаруженные ученым, — «Лука Данилович», «Данила Борисович» и «Бутман Колыбанович».¹⁴

Современная фольклористика дает более критическую оценку этому сборнику, отмечая некоторые просчеты начинающего ученого. Н. Е. Ончуковставил себе целью прежде всего выявить весь эпический репертуар региона. Репертуар отдельного сказителя и интерес к его творческой индивидуальности какое-то время для собирателя оставался на втором плане.¹⁵ Исходя из этих принципов, он ряд текстов в своем сборнике приводит неполностью, отмечая в примечаниях, что отдельные их части схожи с вариантами других сказителей (см. былины № 45, 48, 55, 70). Убирал он порой и повторы, характерные для художественной организации эпоса, казавшиеся ему не нужными. Так, к былине «Потык» (№ 57) сказителя А. В. Чупрова дано следующее примечание: «Старина записана не с голоса, со многими сокращениями таких мест, которые составляют дословное повторение мест, встречающихся раньше; размер старины уменьшился почти вдвое, при всей полноте сюжета».¹⁶

Из трех крупнейших собраний эпоса начала XX в. — А. Д. Григорьева, А. В. Маркова и Н. Е. Ончукова — сборник «Печорские былины» с текстологической точки зрения наиболее уязвим. На его качестве, без сомнения, сказалось отсутствие филологического образования у его собирателя. Уже после первых же экспедиций Н. Е. Ончуков понял, что ему не хватает специальных знаний. Поэтому осенью 1901 г. он поступил учиться в Петербургский археологический институт, основанный в 1877 г. на частные средства Н. В. Калачовым. Обучение здесь было двухгодичным. Как правило, сюда принимались лица, уже имеющие высшее образование. Н. Е. Ончуков же стал вольнослушателем Археологического института в виде исключения. Здесь он проучился до 1903 г.¹⁷

Едва успев завершить работу над «Печорскими былинами», учений зимой 1905 г. уже задумывает издание сказок. Успех первой книги дал Н. Е. Ончукову авторитет в научных кругах, и Русское географическое общество в лице В. И. Ламанского, председателя захиревшей Сказочной комиссии, доверило ему работу над новым собранием. В основу этого издания фольклорист положил собственные экспедиционные записи 1901—1904 гг. Однако надо подчеркнуть, что очень долгое время сказка для собирателя была случайным, побочным продуктом в его полевой работе. Экспедиции 1901—1902 гг. на

низовую Печору, как уже говорилось, имели своей целью запись былин. О сказках, зафиксированных в тот период, Н. Е. Ончуков писал следующее: «Когда сказители в селениях, где я записывал старины, были мною использованы и между поездкой в другое селение оставалось свободное время (...), я занимался на Печоре поисками рукописей, осмотром архивов местных церквей и уже после всего записывал сказки. Таким образом, записывал я сказки на Печоре между делом, и они, конечно, не обнимают всего сказочного репертуара этой области».¹⁸ Былины, древнерусские рукописи, сказки — именно в таком порядке определял ученый приоритеты во время поездок на Печору. И тем не менее на низовой Печоре он занес в свои тетради более пятидесяти сказочных текстов (№ 1—54 в его собрании «Северные сказки»). В экспедициях следующих двух лет — в Поморье (1903) и Олонецкую губернию (1904) — записи сказок, по словам Н. Е. Ончука, «носят еще более случайный характер».¹⁹ И действительно, в Поморье собиратель записал всего десять сказок (№ 55—64), а в Петрозаводском и Повенецком уездах Олонецкой губернии — 17 текстов (№ 204—221). Здесь следует оговориться: поездки на север 1903—1904 гг. едва ли по их характеру мы можем назвать фольклорными экспедициями. Правда, задумывались они прежде всего именно как таковые,²⁰ но не совсем удачно выбранное время поездки в Поморье (собиратель прибыл сюда в мае, когда большая часть населения была занята морскими промыслами),²¹ а главное, увлеченность ученого археографическими поисками²² и — во время экспедиции 1904 г. — сбором предметов народного быта для Музея Александра III (ныне: Российский этнографический музей в С.-Петербурге)²³ сделали фольклористические результаты весьма скромными.

Настоящий поворот к сказке ученого совершается лишь в экспедиции 1907 г. Только занявшись вплотную подготовкой сказок к изданию (то есть в 1905 г.), Н. Е. Ончуков понял, как непростительно мало внимания отечественная фольклористика уделяла этому жанру. Собственно говоря, о таком положении дел в русском сказковедении было известно и до Н. Е. Ончука. Осознанием этого факта вызвано, например, создание в 1896 г. Сказочной комиссии при Русском географическом обществе. Однако и после официального учреждения названной комиссии в РГО на протяжении десятилетия не нашлось деятельного человека, который сумел бы идеи и планы, витавшие в Обществе, воплотить в конкретное дело. Таковым в конце концов оказался Н. Е. Ончуков. Его энергия и целеустремленность смогли сдвинуть дело с мертвой точки. Экспедиция 1907 г. в Архангельский и Олонецкий уезды Архангельской губернии у Н. Е. Ончука проходила, если можно так выразиться, под знаком сказки. Именно этот жанр, «огромную ценность» которого он осознал, подчеркнем еще раз, не во время своих первых экспедиций, а во время работы над будущим сборником, стал основным содержанием этого его путешествия. «Не отвлекаясь уже ничем иным»,²⁴ собиратель записал здесь 70 сказок (№ 233—303). (В скобках отметим: ученый все-таки «отвлекался» от сказок; в 1907 г. на Летнем и Онежском берегах Белого моря он открыл для себя еще один жанр — народную драму, но об этом речь будет ниже.)

Работа над «Северными сказками» заставила Н. Е. Ончука обратиться к материалам других собирателей. А. А. Шахматов передал

издателю свои записи 1884 г., сделанные им в Петрозаводском и Повенецком уездах (№ 78—148). В сборник Н. Е. Ончуков включил также тексты разных, провинциальных собирателей, которые скопились в архиве РГО (№ 67—77, 224, 228—232 в). Сюда же были присовокуплены материалы учителя Георгиевского, присланные им в рукописный отдел Академии наук (№ 149—165). И, наконец, в 1906—1907 гг., под непосредственным влиянием Н. Е. Ончукова две экспедиции на север совершил М. М. Пришвин. Его сказки также вошли в ончуковский сборник. Таким образом, «Северные сказки» в значительной степени являются коллективным трудом.

Этот сборник сыграл очень важную роль в развитии отечественного сказковедения. Здесь был реализован новый принцип расположения материала: не по сюжетам, а по исполнителям. Вступительная статья Н. Е. Ончукова — «Сказки и сказочники на Севере» — на долгие годы стала образцом для научных работ этого жанра. Условия бытования сказок, места и пути перенимания сюжетов, сказка среди других жанров народной прозы, роль сказочника как личности в фольклорной традиции, типы исполнителей — все эти проблемы стали актуальными и обязательными для собирателей, которые шли вслед за Н. Е. Ончуковым. Знаменитые зеленинские сборники (книги опытного профессионала!), напомним еще раз, во многом создавались по подобию «Северных сказок». Собрание Н. Е. Ончукова по сути дела вдохнуло жизнь в русское сказковедение, явилось катализатором, заставившим других фольклористов обратить внимание на этот жанр.

Но тем не менее все сказанное выше не должно для нас заслонять слабые стороны издания. Прежде всего это некоторая хаотичность расположения материала. Правда, композиционная нестройность сборания, которую осознавал и сам Н. Е. Ончуков, была вызвана не небрежностью составителя, а отчасти чисто внешними причинами. Изначально имея разнородный материал (собственные записи, привязанные к личности сказителя; сказки А. А. Шахматова, преследовавшего диалектологические цели и не всегда отмечавшего имена своих исполнителей; и разновременные тексты из архива РГО), составитель «Северных сказок» не мог последовательно реализовать важный для него принцип расположения сюжетов по сказителям. Тот факт, что типография начала печатать весь тираж «Северных сказок» еще до ончуковской экспедиции 1907 г., привнес в композицию сборника дополнительную чересполосицу. Получилось так, что сказки Олонецкой губернии вклинились в материал, собранный в Архангельском крае. Конечно, Н. Е. Ончуков мог бы воздержаться от печатания в этом сборнике текстов, записанных им в 1907 г. в Поморье и на реке Онеге. Тогда издание очевидно имело бы более стройный вид, но возникла бы опасность, что сказки последней экспедиции Н. Е. Ончукова на долгие годы останутся исключительно достоянием РГО, а то и вовсе не увидят свет. Желание собирателя опубликовать материал 1907 г., пусть даже в ущерб общей композиции сборания, по-человечески вполне объяснимо. И нестройность сборника вряд ли серьезно может быть поставлена в вину составителю.

К слабым сторонам «Северных сказок» можно отнести и научный аппарат этого издания. Здесь имеется Словарь областных слов и Указатель имен и предметов, но нет комментариев, которые войдут в

науку только с зеленинскими изданиями. Сказка была блестяще осмыслена Н. Е. Ончуковым лишь как произведение отдельного сказителя. Принадлежность же текста к традиции, причастность его к другим текстам на этот же сюжет не получила должной оценки. Сопоставление своего материала с вариантами из других собраний (А. Н. Афанасьев, Д. Н. Садовников, В. Н. Добровольский, отдельные публикации в разных периодических изданиях) Н. Е. Ончукову в этот период было, по-видимому, не по силам. Отсутствие необходимой профессиональной подготовки неизбежно сказалось и на этом издании.

Тем не менее новая книга Н. Е. Ончукова была тепло (и по справедливости!) принята научной общественностью. За «Северные сказки» по представлению академика С. Ф. Ольденбурга ученый был награжден большой золотой медалью Русского географического общества.²⁵ Е. Н. Елеонская в своей рецензии назвала ончуковский сборник «полезным приобретением для русского фольклора».²⁶ В. Сиповский как принципиально важную черту этого собрания отметил, что до Н. Е. Ончукова отечественная фольклористика не имела «ни одного такого *полного* (курсив автора. — Т. И.) и богатого собрания русских сказок, в котором были бы воспроизведены произведения этого рода в настоящем их виде, без переделок, без нарочитого подбора, в той жизненной обстановке, в которой они бытуют, которую собой отражают».²⁷ В сборнике Н. Е. Ончукова, по мнению рецензента, «народная сказка приобрела более жизненное содержание: укрепилась связь ее с той средой, которая ее создала».²⁸

Некоторым диссонансом, имеющим, однако, под собой основание, прозвучал отзыв Н. Селецкого²⁹ о «Северных сказках». Критический взгляд этого исследователя подметил многие слабые стороны издания: хаотичность расположения материала, отсутствие указателя сюжетов и тем, неоправданное вмешательство составителя в тексты, записанные корреспондентами РГО, вмешательство, которое по сути приближалось к литературной обработке сказок.

Н. Селецкий же выдвинул принципиальное возражение против расположения сказочного материала по исполнителям. «Для историков литературы, — писал ученый, — самым важным, самым насущным вопросом в настоящее время является сюжет сказки, ее содержание, текст; важна хронология сказок, менее важна география, и только уже потом придется, и то лишь отчасти, заняться личностью сказочника».³⁰ Своя правда в этой несколько категорически заостренной мысли, без сомнения, была. Увлеченность русской фольклористики личностью сказителя, талантливым человеком из народа — по определению Н. Е. Ончукова, сказители это своеобразная «интеллигенция деревни»³¹ — таила в себе опасность однобокого восприятия фольклорной культуры. Сказитель мог заслонить собой традицию. Подводные камни этой тенденции в развитии отечественной фольклористики и подметил Н. Селецкий. Как показала история, рецензент Н. Е. Ончукова во многом оказался прав. В 1930-е гг. названная тенденция будет одной из причин поощрения «новин» и «советских сказок».

С «Северными сказками» Н. Е. Ончукова в отечественной науке связано два побочных литературных сюжета, рисующих нам взаимоотношение фольклористики как научной дисциплины с русской ху-

дожественной культурой начала XX в. Мы уже говорили, что соприкосновение с фольклористической жизнью стало решающим толчком в рождении писателя Б. В. Шергина. Вторым примером, когда фольклорист становится причиной пробуждения писательского таланта, являются взаимоотношения Н. Е. Ончукова и М. М. Пришвина.

В судьбах Н. Е. Ончукова и М. М. Пришвина было много общего, схожего. Они были почти одногодками (М. М. Пришвин родился в феврале 1873 г.). Оба выросли в провинции (родные места М. М. Пришвина — Орловская губерния). Оба принадлежали к купеческому сословию; оба росли полусиротами; с детства были знакомы со строгим раскольническим бытом. И М. М. Пришвин, и Н. Е. Ончуков в качестве «полезной» профессии избрали «естественное» направление: один был агрономом, другой — фельдшером. И тот и другой в конце концов отказались от первоначально избранного пути. Осознание подлинного призвания у обоих произошло довольно поздно, уже в зрелые годы. Ончуков свою первую экспедицию совершил в 28 лет; Пришвин пробует писать первые художественные произведения, когда ему было за тридцать.

Но в 1906 г., в момент знакомства Н. Е. Ончукова с М. М. Пришвиным, в их положении и духовном состоянии была огромная разница. Н. Е. Ончуков к этому времени уже был действительным членом Географического общества, награжденным серебряной и золотой медалями этого общества, первооткрывателем эпической традиции Печоры, известным собирателем и составителем сборника «Печорские былины», автором нескольких статей о расколе и старообрядцах,³² человеком, признанным в среде деятелей науки и культуры. М. М. Пришвин же — мало кому известный сочинитель научно-популярных работ по агрономии и никому не известный писатель, делающий робкие шаги в художественной литературе, еще не нашедший свою тему в искусстве.

М. М. Пришвин еще в детстве мечтал попасть в неведомую страну «голубых бобров» и в гимназические годы пытался бежать из Ельца «в Азию». В кризисный период 1906 г. эта тоска по забытым странам у него вспыхнула с новой силой. «Пропутешествовать куда-нибудь и просто описать виденное», — вот что, считал он, поможет ему найти себя в литературе.³³ Но куда ехать? Где край, не тронутый цивилизацией? На этот вопрос ответил ему Н. Е. Ончуков. В предисловии к сборнику «Северные сказки» этнограф писал: «Летом 1906 г. задумал съездить на Север М. М. Пришвин, и по моей настоятельной рекомендации ему особенного, глухого и как бы законченного со своеобразной жизнью Выговского края, съездил именно туда».³⁴

Выговский край заинтересовал будущего писателя. В июне 1906 г. он выехал из Петербурга на пароходе в Петрозаводск, через Повенец добрался до Выгозера и там, на Карельском острове, прожил больше месяца, посещая соседние деревни. Эти места уже были знакомы Н. Е. Ончукову. Он побывал здесь в 1904 г. Н. Е. Ончуков собирал в Выгореции предметы старины, иконы, рукописи. М. М. Пришвину именно здесь предстояло открыть для себя край непуганных птиц. Результатом этой поездки явилась первая пришвинская книга очерков, с которой он «начал вести счет своих лет».³⁵

«В краю непуганных птиц» — книга необычная. Ее писал начинающий, и к счастью для русской литературы (но возможно, к сожале-

нию для фольклористики), так и не состоявшийся этнограф. М. М. Пришвин уезжал в свою первую этнографическую экспедицию как раз в тот период, когда Н. Е. Ончуков работал над сборником «Северные сказки». Н. Е. Ончукова, как уже опытного фольклориста, интересовали не только тексты, но и сказители, их биография и личность. Увлеченный идеей создания нового типа сказочного сборника — с расположением материала по исполнителям, — Н. Е. Ончуков дал М. М. Пришвину ценные методические советы. Позднее писатель вспоминал: «По требованию (...) науки нужно было непременно давать рядом с записанным фольклором подробные биографии сказителей, колдунов, краснопевок, воплениц». Но тут же отмечал разницу своего подхода к личности сказителя и подхода к личности сказителя специалиста по устному народному творчеству: «Очень возможно, что у таких специалистов-словесников, как Шахматов и Ончуков, подход к личности сказителя и не играл той роли, как у меня, искателя путей к своему личному творчеству. Но я именно этому подходу к личности человека в kraю непуганых птиц обязан дальнейшей культурой "родственного" внимания к личности всяких живых существ в природе, не только людей».³⁶ Как видим, чисто фольклористическая проблема — роль личности исполнителя в традиции — для Пришвина обрачивается важным принципом художественного осмысления жизни. Писательский талант уводит М. М. Пришвина из фольклористики, и его книга «В kraю непуганых птиц» становится не экспедиционным дневником или отчетом, а художественным произведением.

В связи с темой «Пришвин и Ончуков» мы хотим обратить внимание на тот факт, что в научных трудах Н. Е. Ончукова и в первой книге М. М. Пришвина обнаруживаются прямые параллели. В сборнике «Северные сказки» под номером 232-а Н. Е. Ончуков приводит записанные им в 1904 г. на Выгозере легенды о «панах» — о Марине Мнишек и о гибели «панов» в водопаде Падун на Выг-озере. Оба этих сюжета приведены и в книге М. М. Пришвина (глава «Лес, вода и камень»). Тексты Н. Е. Ончукова и М. М. Пришвина расходятся в деталях. Поэтому у нас нет оснований предполагать, что писатель заимствовал эти предания из готовящегося сборника сказок. Скорее всего, он излагает варианты, слышанные им самим.

В другой главе «В kraю непуганых птиц» — «Выговская пустынь» — мы обнаружили уже прямые заимствования из трудов Н. Е. Ончукова. Как известно, в первой своей книге М. М. Пришвин не только отразил собственные впечатления о Выгореции, но и в популярной форме, пользуясь работами разных ученых, дал историю знаменитого Даниловского монастыря (Выговской пустыни). Список литературы, с которой был знаком М. М. Пришвин, приведен в работе М. Пахомовой «Пришвин и Карелия».³⁷ Одним из источников, кстати, не названным М. Пахомовой, была статья Н. Е. Ончукова «Старина и старообрядцы».³⁸ Писатель прямо указывал, что пользовался этой работой ученого. Говоря о Л. С. Егоровой, дочери последнего большака Даниловского скита, он отмечал: «Другой путешественник (Н. Е. Ончуков) в самое последнее время (1903 г.)³⁹ приобрел написанный ею дневник (пока неизданный) и посвятил памяти ушедшей старушки в своем описании несколько теплых строчек».⁴⁰ Эти «несколько строчек» находятся в упомянутой выше статье ученого

(с. 281—282). Личность Л. С. Егоровой, воспитанной в Данилове, привлекла внимание Н. Е. Ончукова своей напряженной духовной жизнью. Эта женщина, живя в Выговском скиту, читала монастырские книги, пела по крюкам, вышивала, сочиняла стихи, рисовала. Думаем, не без влияния Н. Е. Ончукова образ Л. С. Егоровой стал одним из центральных в главе «Выговская пустынь» и у М. М. Пришвина. Последний, воспользовавшись материалами ученого (он цитирует стихи Л. С. Егоровой, опубликованные Н. Е. Ончуковым в его работе), значительно дополнил биографию этой замечательной русской женщины.

Надо отметить, что композиция некоторых фрагментов «Выговской пустыни» полностью совпадает с соответствующими отрывками из статьи Н. Е. Ончукова. Описывая разорение монастыря властями в 1857 г., Н. Е. Ончуков приводит две цитаты⁴¹ из труда Е. Барсова «Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке».⁴² Эти же две цитаты в том же порядке даются и у М. М. Пришвина.⁴³ Далее, ссылаясь на В. Н. Майнова,⁴⁴ Н. Е. Ончуков писал: «Чиновники нарочно садились на воза (на которые были свалены старообрядческие иконы. — Т. И.), чтобы показать свое презрение к тому, на чем они сидели».⁴⁵ Эта же фраза, в несколько измененном виде, есть и у М. М. Пришвина: «Говорят, что чиновники нарочно садились на воза, чтобы показать свое презрение к тому, на чем сидели».⁴⁶

Но главное, что объединяет Н. Е. Ончукова и М. М. Пришвина, — восторженная оценка Выгорецкой пустыни и возмущение варварским разорением этого культурного центра.

Таким образом, оказывается, что роль Н. Е. Ончукова в становлении творческой индивидуальности М. М. Пришвина заключается не только в том, что он открыл писателю край непуганых птиц: научные работы этнографа помогали писателю при создании его первой книги и даже непосредственно отразились в тексте очерков.

Во время экспедиции на Выгозеро М. М. Пришвин собрал более 30 сказок. Тексты народной прозы, записанные им от жителей Карельского острова и соседних деревень, вошли в сборник «Северные сказки» (№ 166—198). В собрании имеются записи от пяти человек, в том числе и от Мануйлы Петрова (№ 166—175) и Степаниды Максимовны (№ 176—180), образы которых так ярко запечатлены в книге «В краю непуганых птиц».

В мае 1907 г. М. М. Пришвин отправился во второе путешествие по Северу — на берега Белого моря, в Лапландию и Норвегию. После этой поездки он написал книгу «За волшебным колобком».⁴⁷ Из его фольклорных записей этого путешествия известны только пять сказок старика Василия (о Василии писатель говорит в главе «Солнечные ночи» своей второй книги). Тексты их также помещены в сборнике Н. Е. Ончукова (№ 199—203). Сам писатель в 1921 г. в своем дневнике вспоминал, что во время второй поездки он «почти ничего (кроме слов) не записывал, а отдавался вполне интересу самого путешествия».⁴⁸ Происходил процесс превращения писателя-этнографа, каковым посчитали М. М. Пришвина многие читатели после его первой экспедиции, в писателя-философа. Точная фиксация фольклорных произведений и научное описание виденного отодвигается для М. М. Пришвина на задний план; главным становится художествен-

ное обобщение действительности. Именно этим и объясняется скучность чисто фольклористических результатов его поездки 1907 г.

Своеобразие творческой индивидуальности М. М. Пришвина определило его особое место среди писателей начала XX в. Этнографы приняли его в свой круг. Благодаря Н. Е. Ончукову М. М. Пришвин оказывается вхож в Русское географическое общество. 6 апреля 1907 г. на одном из заседаний Этнографического отделения он делает доклад «Этнографические наблюдения, вынесенные из Выговского края (Повенецкого уезда)».⁴⁹ В 1908 г., уже будучи членом-сотрудником Общества, М. М. Пришвин отчитывается о своей второй поездке, совершенной при материальной поддержке РГО, докладом «Поморы русского крайнего Севера».⁵⁰ В 1910 г. за заслуги перед отечественной этнографией писатель был избран действительным членом Русского географического общества.⁵¹

Экспедиции, к которым приобщил М. М. Пришвина Н. Е. Ончуков, увлекли писателя. И все его последующие книги («У стен града невидимого», «Адам и Ева», «Черный араб», «Крутоярский зверь», «Славны бубны») стали откликом на поездки в Заволжье, в заильтские степи, на Оку, в Крым. Путь М. М. Пришвина в литературе — от этнографизма к художественно-философскому постижению действительности. И в самом начале этого нелегкого пути стоял Н. Е. Ончуков и его сборник «Северные сказки».⁵²

Второй литературный сюжет, также связанный с «Северными сказками», имеет не столь радужный характер, как взаимоотношения Н. Е. Ончукова и М. М. Пришвина. Это тема «Ончуков и Ремизов».

К 1908 г., когда вышли в свет «Северные сказки», А. Ремизов, в отличие от М. М. Пришвина, был уже вполне сложившимся и получившим признание писателем.⁵³ Фольклорная струя всегда занимала в его творчестве ведущее место. Поэтому знакомство с ончуковским сборником, по-видимому, для писателя не было таким откровением, каковой стала для М. М. Пришвина поездка в Выговский край, куда его направил Н. Е. Ончуков. Задолго до появления «Северных сказок», еще в 1905 г., А. Ремизов пробует свои силы в переложении народных сказок на литературный язык. Первым опытом в этом роде была сказка «Барма»,⁵⁴ слышанная писателем в детстве от печника Глухого. Тем не менее «Северные сказки» поразили воображение А. Ремизова богатством и разнообразием сюжетов, образов и языка. Ончуковский сборник активизировал поиски писателя в области литературной обработки фольклорного материала. Начиная с 1909 г., А. Ремизов печатает целый ряд своих сказочных переложений, сюжеты которых им были почерпнуты из сборника Н. Е. Ончукова.

Однако следует указать, что все эти произведения публиковались за подписью Ремизова, без называния источника и без объяснения его принципов подхода к фольклорной поэзии. Поразительная близость ремизовских сказок к «Северным сказкам» была подмечена кем-то из читателей, и 16 июня 1909 г. в «Биржевых ведомостях» появляется статья с едким заглавием: «Писатель или списыватель?» Анонимный автор указывал на две сказки А. Ремизова, позаимствованные им из ончуковского издания: «Мышонок» (Ончуков, № 190)⁵⁵ и «Небо пало» (№ 216).⁵⁶ Тут же автор статьи приводил параллельно ончуковский и ремизовский тексты. Сходство их было разительным. Поэтому вывод, который делался в газетной заметке, был категори-

чески обвиняющим: «г. Ремизов не писатель, а списыватель (...) мышонок этот (...) оказался краденым».⁵⁷

Сам Н. Е. Ончуков, по-видимому, аналогично воспринимал ремизовские переложения. Во всяком случае 8 июля 1909 г. он полностью (правда, без собственных комментариев) перепечатал названную заметку из «Биржевых ведомостей» в своей сарапульской газете «Прикамская жизнь»,⁵⁸ о которой мы еще скажем ниже.

Учтя критику «Биржевых ведомостей», А. Ремизов стал в своих публикациях, по-прежнему даваемых за его подписью, делать примечания следующего типа: «В основу положена народная сказка записи академика А. А. Шахматова из сборника Н. Е. Ончукова. Спб., 1908».⁵⁹ Седьмой том «Сочинений» А. Ремизова, вышедший в 1912 г., объединил часть созданных, а вернее переложенных, писателем сказок. А в 1914 г. он собрал все свои литературные обработки в одну книгу «Докука и балагурье».⁶⁰ В конце этой книги писатель указал все источники своих сказок. Оказалось, что из 53 обработок 3 восходят к собственноручным записям А. Ремизова, 4 позаимствованы автором из разных статей «Живой старины», а все остальные 46 текстов — из сборника Н. Е. Ончукова.

Несмотря на неприятный инцидент с «Биржевыми ведомостями», опыты А. Ремизова в области народных сказок были приняты русской литературой начала XX в. А. В. Рыстенко, автор одной из первых серьезных литературоведческих работ о творчестве А. Ремизова, точно подмечал характер ремизовских сказок: «...в области сказок у Ремизова почти все сводится к стилистическим изменениям, и в этих-то изменениях значение этих пьес: это ведь не сказки в духе (выделено автором. — Т. И.) народном, как у Пушкина, а просто легкая ретушировка, с сохранением почти всего текста подлинника».⁶¹ Таким образом, право писателя на переложение (пересказ, литературную обработку) фольклорных произведений как вид художественного творчества было подтверждено академическим литературоведением. Двумя десятилетиями позже по ремизовскому пути пойдет А. Н. Толстой. Основываясь на конкретных научных изданиях, он перескажет для детей несколько десятков народных сказок.⁶² А. Ремизовым, как и А. Н. Толстым, двигало желание приобщить широкого читателя к сокровищам фольклора. И читатель не остался неблагодарным. Известный книгоиздатель К. Ф. Некрасов предлагал А. Ремизову издание его сказок: «Мне кажется было бы хорошо выпустить большой том: Русские народные сказки в обработке А. Ремизова (...) Не удивительно ли? Ведь у нас так и нет хорошей обработки сказок для детей».⁶³

Ремизовский опыт, связанный с «Северными сказками» Н. Е. Ончукова, любопытен не только как определенная страничка в истории русской литературы. Он свидетельствует о том, что ончуковский сборник не был воспринят в среде деятелей русской культуры исключительно как научное издание; он стал крупным эстетическим явлением. Именно этот эпизод из истории «Северных сказок», по-видимому, дал возможность С. Ф. Ольденбургу, сравнившему зеленинские сборники с собранием Н. Е. Ончукова и подмечавшему слабые (по-нашему мнению, quasi-слабые) стороны собраний Д. К. Зеленина, обронить следующую фразу: «Пермский и вятский сборники при полном признании мастерства в собирании г. Зеленина вызывают

большое разочарование по сравнению с такими сборниками, как сборник Ончукова, являющийся одним из самых ценных сборников последнего времени».⁶⁴ Эстетическая ценность «Северных сказок» к 1916 г., когда было написано процитированное выше замечание С. Ф. Ольденбурга, была уже засвидетельствована писательским авторитетом А. Ремизова. «Северные сказки» оказались хронологически первыми в ряду других классических изданий начала XX в. (Д. К. Зеленин, В. М. и Ю. М. Соколовы, А. М. Смирнов). Именно поэтому им, несмотря на все отмеченные выше недостатки, принадлежала тогда роль своеобразного эталона, по которому оценивались все последующие сказочные собрания.

В 1908 г. наступил новый период в жизни Н. Е. Ончукова. Он решил возвратиться из Петербурга в родной Сарапул. Здесь ученый баллотировался гласным в городскую думу. С 1 марта 1909 г. он начал издавать и редактировать ежедневную общественно-политическую и литературную газету «Прикамская жизнь». В то время это была единственная сарапульская газета, которая снабжала горожан зарубежными, российскими и местными новостями. Газета носила обычный для эпохи либерально-демократический характер. «“Прикамская жизнь” — газета прогрессивная и беспартийная», — говорилось в ее программной статье.⁶⁵ Газета живо откликалась на актуальные местные вопросы: писала о судьбе Воткинского завода, которому грозило закрытие,⁶⁶ о затянувшемся строительстве водопровода, о плане постройки железной дороги к Сарапулу, о наводнении, причинившем в 1914 г. большой ущерб городу. «Прикамская жизнь» помогала своему читателю быть в курсе культурных новостей России. Здесь печатались материалы о Грибоедове, Пушкине, Гоголе, Некрасове, Белинском, Мельникове-Печерском, Чехове, Куприне, Горьком и др. Но больше всего на ее страницах помещалось сведений о жизни, нравственных и философских взглядах Л. Толстого. Видимо, мировоззрение Толстого было в чем-то близко самому Н. Е. Ончукову. Постоянной была рубрика «Новые книги», пропагандировавшая серьезные издания, связанные с историей Вятского края. Но вопреки нашим ожиданиям, мы не встретили в газете материалов по местному фольклору и этнографии, материалов, которые должны бы, казалось, появиться при издателе, давшем России «Печорские былины» и «Северные сказки». Видимо, это объясняется тем, что газета отнимала у Н. Е. Ончукова слишком много сил, времени и средств. В письме к академику А. А. Шахматову от 3 марта 1910 г. он, например, писал: «Газета моя в материальном отношении влечит существование, но все же она делает здесь свое дело, и это удовлетворяет».⁶⁷ Общественно-просветительская деятельность, как видим, полностью захватила ученого в этот период его жизни и почти не оставляла в ней места для фольклористики.

Помимо газеты, Н. Е. Ончуков занимался множеством других дел. Он явился одним из основателей земского сарапульского музея. Вопрос об открытии музея был поставлен местной интеллигенцией еще в 1905 г. Но дело сдвинулось с мертвой точки лишь в 1909 г. 24 апреля в «Прикамской жизни» было опубликовано обращение к сарапульцам с просьбой жертвовать естественно-исторические, этнографические и археологические материалы, касающиеся родного края. На протяжении всех лет своего существования газета Н. Е. Он-

чукова подробно освещала культурно-просветительскую деятельность музея, который работал довольно напряженно. С 1911 по 1914 г. вышло четыре выпуска «Известий Сарапульского земского музея». Но хотя Н. Е. Ончуков принимал участие в издании «Известий» (они печатались в его типографии), никаких научных работ ученого в этом органе нет.

1 декабря 1913 г. на базе музея в Сарапуле было создано Общество изучения Прикамского края. 3 декабря «Прикамская жизнь» сообщала о торжественном открытии этого нового культурного центра в Сарапуле. К 1916 г. Общество насчитывало 76 человек; к 1 января здесь было собрано 5000 книг, 270 экспонатов.⁶⁸ Не остался в стороне от деятельности Общества и Н. Е. Ончуков.

1909—1917 гг. в жизни ученого — это годы, повторяем еще раз, полностью отданые общественной и просветительской деятельности в родном крае, и заслуги его здесь неоспоримы. Фольклористика же надолго отодвинулась для него на второй план. Но все-таки именно в этот период он выпускает свою третью книгу, сделавшую ему имя в науке — «Северные народные драмы».⁶⁹

С произведениями фольклорного театра Н. Е. Ончуков впервые столкнулся летом 1904 г. в Толвуе Олонецкой губернии. Здесь от сказочника П. М. Калинина он записал народную драму «Ездок и коневал». Произведение это, судя по всему, в тот момент не было им должным образом оценено, и собиратель поместил его в «Северных сказках» наряду с другими сказками П. М. Калинина (№ 204).

В 1907 г., во время своей специальной сказочной экспедиции, Н. Е. Ончуков неожиданно для себя открыл на Летнем и Онежском берегах Белого моря, а также на реке Онеге целое гнездо этого вида устно-поэтического творчества. Многие из его сказочников, как оказалось, знали, исполняли, хранили записанные в тетрадках фольклорные пьесы «Царь Максимилиан», «Шайка разбойников», «Барин» и др. Этот факт поразил Н. Е. Ончукова. Забыв о своей случайной записи «Ездока и коневала», он писал в статье «Народная драма на Севере»: «Во время своих прежних поездок по Северу я ничего не слыхал о народной драме. Очень может быть просто потому, что я тогда не интересовался и не расспрашивал о ней. Летом 1907 г. я поехал на Север записывать сказки, и в первом же селении, посаде Нёноксе, расспрашивая о сказочниках, услышал об одном нёнокшанине, И. А. Макарове, который хорошо “приставляет Царя Максемьяна”».⁷⁰ Необыкновенное чутье Н. Е. Ончукова-собирателя и на этот раз не обмануло ученого, подсказав ему, что он находится рядом с подлинным открытием. Ведь науке до тех пор практически ничего не было известно о бытовании народной драмы на Севере. Напомним также, что в фольклористике того времени не было ни одного отдельного издания, специально посвященного этому жанру. Н. Е. Ончуков стал одинаково внимателен и к сказке, которая была целью его поездки 1907 г., и к новооткрытой им драме.

В 1909 г., как уже упоминалось, собиратель делится своим открытием в статье «Народная драма на Севере». А в 1911 г., живя уже в Сарапуле, ученый издает в Петербурге книгу «Северные народные драмы», где публикует десять текстов. Издание, кстати, напечатала типография А. С. Суворина, в газете которого «Новое время» Н. Е. Ончуков сотрудничал в петербургский период своей жизни.⁷¹

Предисловие к этой книге писалось не самим Н. Е. Ончуковым, а по-видимому, кем-то из сотрудников А. С. Суворина, но материал для предисловия целиком был почерпнут из вышеупомянутой ончуковской статьи. Вместе с текстами народной драмы читатель получал из книги интересные сведения о солдатах, заносивших эти театральные представления по возвращении со службы в родную северную деревню, о рукописном бытovании драм, об отношении духовенства к таким пьесам, как «Маврук», пародирующем церковный обряд отпевания и т. д. Словом, острая наблюдательность Н. Е. Ончукова-экспедиционера блестяще проявилась и в этой книге.

«Северные народные драмы», судя по указателю М. Я. Мельц⁷², не получили столь широкого резонанса, как это случилось с «Печорскими былинами» и «Северными сказками». Во всяком случае, специальных рецензий, посвященных этому изданию, не зафиксировано. Однако по своему значению книга смело может быть поставлена рядом с двумя предыдущими. «Печорские былины» были первым изданием, указавшим на существование песенного эпоса в одном из регионов Русского Севера. «Северные сказки» — первая книга народной прозы Европейского Севера России, к тому же реализовавшая в себе принцип расположения материала по исполнителям; «Северные народные драмы» — первое монографическое (и долгое время единственное) издание этого жанра.

Научная деятельность Н. Е. Ончукова в дореволюционный период целиком посвящена собирательской работе. Умение расположить к себе простой люд, распознать в крестьянской массе одаренных сказителей, необычайное чутье в выборе регионов и фольклорных жанров, острая наблюдательность, живой язык его очерков, и, наконец, способность доводить начатое дело до конца, энергия и настойчивость в организации такого хлопотного дела, как публикация записанных текстов — все это выдвинуло Н. Е. Ончукова в ряды выдающихся фольклористов России предоктябрьской эпохи. Но фигура Н. Е. Ончукова как ученого, к которому применимо определение «выдающийся», очень не типична для науки его времени. Это собиратель народной поэзии — и только собиратель. Все его книги и статьи 1900—1917 гг. — это публикации записанных в экспедициях текстов и очерки, связанные с очередной поездкой.⁷³ Говорить о Н. Е. Ончукове как об исследователе, имеющем собственный предмет для изучения и угол зрения в отношении этого предмета, вообще сложно, а для этого времени — невозможно. Он не пишет статей, трактующих былинные сюжеты, не пытается с научных позиций осмысливать обрядовую жизнь народа, и тем более не осмеливается вести самостоятельных исследований в духе «исторической поэтики» А. Н. Веселовского. В этом смысле ученый находится вне школ и основных течений, характеризующих фольклористику начала XX в. «Социальное происхождение», если можно так выразиться, — он вышел из среды непрофессионалов-любителей — наложило свой отпечаток на работу этого талантливого фольклориста.

Обозрение научного пути Н. Е. Ончукова в послереволюционный период не входит в нашу задачу, тем более, что нам ранее уже приходилось писать на эту тему. Однако несколько замечаний по этому поводу мы считаем необходимым сделать. В дополнение к тому, что мы уже сообщали в своей статье, написанной в 1982 г.,⁷⁴ можно до-

бавить, что Н. Е. Ончуков покинул в 1918 г. родной Сарапул, вероятно, с Белой армией. По сведениям В. Ю. Дудник, сотрудница Сарапульского краеведческого музея, он был то ли секретарем при одном из высокопоставленных офицеров Белой армии, то ли сотрудничал в какой-то газете (устное сообщение автору). Окончание гражданской войны застает ученого в Иркутске. Здесь он делает попытку поступить на медицинский факультет местного университета, но получает отказ: возраст уже не тот, чтобы посвятить себя медицинскому образованию. Но на историческое отделение Н. Е. Ончукова зачисляют. Вскоре в Иркутском университете узнают о его довоенных этнографических трудах, и студент-первокурсник сразу же становится профессорским стипендиатом. Осенью 1922 г. Н. Е. Ончуков был приглашен в Пермский университет на кафедру русского языка педагогического факультета, а в декабре 1924 г. он перебирается в Петербург. Здесь на протяжении 1924—1930 гг. он читает курсы по фольклору и ведет семинарские занятия в университете, активно сотрудничает с секцией «Живой старины» (секретарь секции, председатель — его земляк Д. К. Зеленин) Научно-исследовательского института сравнительного изучения литературы и языков Запада и Востока. Поддерживает ученый и связи с Русским географическим обществом. В 1926—1928 гг. он совершает три экспедиции (Тавдинский край и Верхотурье Тобольской губернии, Лодейнопольский уезд под Ленинградом), целью которых была запись сказок. (Материал этих поездок, очень богатый и разнообразный, до сих пор ненапечатанным хранится в ЦГАЛИ.) Таким образом, как мы видели, в послереволюционный период состоялось возвращение Н. Е. Ончукова в фольклористику.

Наряду с экспедиционной работой в это время ученый делает первые шаги в чисто исследовательской сфере. В статьях «Запрещенные песни о Константине и Анне» и «Песни и легенды о декабристах»⁷⁵ он проявляет себя как исследователь, которого интересует тема «история и фольклор». В методологическом плане обе названные работы довольно просты: приводятся все известные автору варианты данной исторической песни или легенды и текст фольклорного произведения соотносится с данными истории. Историческая тема так или иначе просматривается и в других (неопубликованных) статьях Н. Е. Ончукова: «Исторические анекдоты» (серия анекдотов из жизни двора Николая II и его министров),⁷⁶ «Устная словесность нашего времени» (статья поднимает вопрос о необходимости фиксировать как просоветский фольклор, так и произведения иной идеологической направленности), «Песня о пугачевском бою», «Первый роман о Пугачеве», «Разинщина в народной драме»⁷⁷ и др. Значение названных рукописей не следует преувеличивать. Описательное начало здесь явно преvalирует над аналитикой. Но тем не менее эти работы свидетельствуют о том, что послеоктябрьский период — качественно новый этап в научной биографии Н. Е. Ончукова.

Судьба Н. Е. Ончукова в Советской России складывалась драматически, а под конец жизни — трагически. В 1931 г. он был арестован, лишен гражданских прав и сослан в г. Никольск (ныне: Вологодская область). Ходатайство М. Горького перед С. М. Кировым помогло Н. Е. Ончукову вернуться из ссылки в Ленинград.⁷⁸ Затем, с 1935 г., ученый жил в Пензе, сотрудничал в местной газете, продол-

жал писать свои фольклористические статьи, большинство из которых так и осталось ненапечатанными. В конце 1939 или в начале 1940 г. он был опять арестован. А. В. Храбровицкий, живший в 1939—1951 гг. в Пензе и знавший вдову Н. Е. Ончукова, любезно поделился с нами записями из своей записной книжки того времени. Об аресте Н. Е. Ончукова там говорилось следующее: «Суд в Пензе. Был осужден на 10 лет. Два с половиной года в Пензе — в тюрьме, затем в исправительной колонии на торфоразработках». Далее в письме А. В. Храбровицкий сообщал нам: «За что осудили Н. Е. Ончукова, не знаю; помню только слова пензенского литературоведа, доцента Пединститута М. П. Молебнова, о том, что Ончуков был “ужасный болтун”». Видимо, старый ученый никак не мог усвоить правил поведения в государстве тоталитарного режима. Какое-то неосторожное слово трагически решило его судьбу. Выдающийся фольклорист скончался в советском ГУЛАГе — на торфоразработках под Пензой. О месте погребения Н. Е. Ончукова в записной книжке А. В. Храбровицкого была сделана следующая запись: «Могила Н. Е. Ончукова — дорога на Ахуны, мимо второй Пензы, у железнодорожного тупика, в редкой роще (предположение А. А. Ончуковой). Умер 5—6 марта 1942 года». Так закончился жизненный путь человека, внесшего крупный вклад в отечественную науку.

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1 (Далее — ЦГАЛИ).

² Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Ф. 369. К. 399. Ед. хр. 19. Л. 1 (Далее — РГБ).

³ Там же. Л. 5 об.

⁴ Отчет императорского Русского географического общества за 1900 год. Спб., 1901. С. 10.

⁵ Ончуков Н. Е. По Чердынскому уезду // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 37—74.

⁶ Отчет императорского Русского географического общества за 1901 год. Спб., 1902. С. 11.

⁷ Ончуков Н. Е. О расколе на низовой Печоре // Живая старина. 1901. Вып. 3—4. С. 452.

⁸ Истомин Ф. М. Предварительный отчет о поездке в Печорский край летом 1890 года // Известия императорского Русского географического общества. 1890. Т. 26. С. 433—434.

⁹ Ончуков Н. Е. Новые былины из записей на Печоре // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1903. Т. 8, кн. 3. С. 298—326.

¹⁰ Ончуков Н. Е. [Отчет] // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1902 г., составленный В. И. Ламанским. Спб., 1903. С. 17.

¹¹ Ончуков Н. Е. Печорские былины. Спб., 1904 (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии. Т. 30).

¹² Отзыв действительного члена А. И. Соболевского о трудах Н. Е. Ончукова // Отчет императорского Русского географического общества за 1904 год. Спб., 1905. С. 90.

¹³ Перетц В. Н. Обзор важнейших новых трудов по народной словесности // Педагогическая мысль. Киев, 1904. Вып. 2. С. 20 (2-я пагинация).

¹⁴ Марков А. В. [Рец.] // Этногр. обозрение. 1904. № 1. С. 139.

¹⁵ Ончуков Н. Е. Печорские былины. С. XXXIV—XXXV.

¹⁶ Там же. С. 245.

¹⁷ В ЦГАЛИ сохранилось свидетельство Н. Е. Ончукова об окончании Археологического института (Ф. 1366. Оп. 2. Ед. хр. 3).

¹⁸ Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова. Спб., 1908. С. XIX.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Главной целью поездок того и другого лета были этнографические работы: записывание сказок, песен, преданий, особенностей говора, а также наблюдения над

жизнью населения общего характера» (*Ончуков Н. Е. Старина и старообрядцы: Поездка в Поморье и Заонежье // Живая старина. 1905. Вып. 1—2. С. 271.*)

²¹ *Ончуков Н. Е. [Отчет] // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук за 1903 год, составленный Н. П. Кондаковым. Спб., 1903. С. 52.*

²² В рукописном отделе Библиотеки Академии наук имеется фонд Н. Е. Ончукова, составляющий 68 единиц хранения. Здесь есть исторические произведения, старинные грамматики и арифметики, народные лечебники, датируемые XVI—XIX вв. См.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2. С. 111—112.

²³ В 1904 г. Н. Е. Ончуков привез для Этнографического отделения музея Александра III 105 предметов народного быта. См.: Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 441. Л. 1—2. Кстати, после окончания Археологического института Н. Е. Ончуков некоторое время работал в Этнографическом отделе Музея Александра III. См. здесь же его письма к Е. А. Ляцкому, хранителю Музея, помеченные ноябрьем и декабрем 1904 г., по поводу устройства на работу в Музей.

²⁴ Северные сказки. С. XIX.

²⁵ *Ольденбург С. Ф. О трудах Н. Е. Ончукова // Отчет императорского Русского географического общества за 1908 г. Спб., 1909. Приложение. С. 17—19.*

²⁶ *Е. Е. [Рец.] // Этногр. обозрение. 1909. № 1. С. 97—98. — Авт.: Е. Н. Елеонская.*

²⁷ *Сиповский В. Северные сказки (История одного сюжета) // Журнал министерства народного просвещения. 1913. № 10, Критика и библиогр. С. 330.*

²⁸ Там же. С. 331.

²⁹ *Селецкий П. [Рец.] // Журнал министерства народного просвещения. 1909. № 4, Критика и библиогр. С. 414—430.*

³⁰ Там же. С. 417.

³¹ Северные сказки. С. XLVIII.

³² См.: *Ончуков Н. Е.: 1) О расколе на низовой Печоре // Живая старина. 1901. Вып. 3—4. С. 434—452; 2) Печорская старина // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1905. Т. 10, кн. 2. С. 339—363; 3) Старина и старообрядцы // Живая старина. 1905. Вып. 3—4. С. 271—289.*

³³ *Пришвин М. М. Записки о творчестве // Контекст — 1974. Литературно-теоретические исследования. М., 1975. С. 318.*

³⁴ Северные сказки. С. XVII.

³⁵ *Пришвин М. М. Собр. соч., в 8-ми т. М., 1982. Т. 1. С. 797 (комментарий А. Л. Киселева со ссылкой на архив М. М. Пришвина).*

³⁶ *Пришвин М. М. Отцы и дети: Беломорско-Балтийский водный путь. М., 1937. С. 9.*

³⁷ *Пахомова М. Пришвин и Карелия: Критический очерк. Петрозаводск, 1960. С. 32.*

³⁸ *Ончуков Н. Е. Старина и старообрядцы // Живая старина. 1905. Вып. 3—4. С. 271—289.*

³⁹ *Ошибко М. М. Пришвина: Н. Е. Ончуков был в Выговском крае в 1904 г.*

⁴⁰ *Пришвин М. М. В kraю непуганых птиц. Спб., 1907. С. 171.*

⁴¹ *Ончуков Н. Е. Старина и старообрядцы. С. 285.*

⁴² *Барсов Е. В. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке // Летопись занятий Археографической комиссии. 1872—1875 гг. Спб., 1877. Вып. 6, Отд. 3. С. 1—85.*

⁴³ *Пришвин М. М. В kraю непуганых птиц. С. 170.*

⁴⁴ *Майнев В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. Спб., 1874. С. 145.*

⁴⁵ *Ончуков Н. Е. Старина и старообрядцы. С. 285.*

⁴⁶ *Пришвин М. В kraю непуганых птиц. С. 170.*

⁴⁷ *Пришвин М. За волшебным колобком: По крайнему Северу России и Норвегии. Спб. 1908.*

⁴⁸ *Пришвин М. Записки о творчестве. С. 319.*

⁴⁹ *Отчет императорского Русского географического общества за 1907 год. Спб., 1908. С. 38.*

⁵⁰ *Отчет императорского Русского географического общества за 1908 год. Спб., 1909. С. 69.*

⁵¹ *Отчет императорского Русского географического общества за 1910 год. Спб., 1911. С. XI.*

⁵² Подробнее см.: *Иванова Т. Г. М. М. Пришвин и Н. Е. Ончуков // Русская литература. 1984. № 1. С. 230—235.*

- ⁵³ В 1902 г. совместно с Вс. Э. Мейерхольдом он перевел книгу А. Роде «Гауптман и Ницше»; в 1903 г. для театра Вс. Мейерхольда сделан перевод драмы С. Пшибышевского «Снег»; 1907 г. — первая оригинальная книга «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (пересказ апокрифов и народных преданий); тогда же упоминавшийся в главе о Д. К. Зеленине цикл «Посолонь» (своеобразные рассказы, основанные на народных обрядах и мифологических представлениях). В 1908 г. вышли его романы «Часы» и «Пруд».
- ⁵⁴ Ремизов А. Варма // Наша жизнь: Иллюстрированная и литературная неделя. 1905 № 23. С. 180—182 (Прил. к газ. «Наша жизнь». Спб.)
- ⁵⁵ Ремизов А. Мышионок // Италия: Лит. сборник в пользу пострадавшим от землетрясения в Мессине. Спб., 1909. С. 151—152.
- ⁵⁶ Ремизов А. Небо пало // Всемирная панорама. 1909. № 5. — Без нумерации страниц.
- ⁵⁷ Писатель или списыватель? // Биржевые ведомости: Веч. выпуск. 1909. 16 июня, № 11160.
- ⁵⁸ Писатель или списыватель? (Письмо в редакцию) // Прикамская жизнь. 1909. 8 июля, № 103.
- ⁵⁹ Ремизов А. Суженая: (Народная сказка) // Скэтинг-ринг. 1910. № 2. С. 12.
- ⁶⁰ Ремизов А. Докука и балагурье: Русские сказки. Спб., 1914.
- ⁶¹ Рыстенко А. В. Заметки о сочинениях Алексея Ремизова. Одесса, 1913. С. 76.
- ⁶² Толстой А. Н. Полное собрание сочинений. М., 1948. Т. 12.
- ⁶³ Цитирую по статье: Гречишkin C. C. Архив А. М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 20—45.
- ⁶⁴ Ольденбург С. Ф. Собирание русских народных сказок в последнее время // Журнал министерства народного просвещения. 1916. № 8, Критика и библиогр. С. 318.
- ⁶⁵ Прикамская жизнь. 1909. 1 марта, № 1.
- ⁶⁶ В 1915 г. Н. Е. Ончуков был оштрафован губернатором Страховским на 500 рублей за корреспонденцию о непорядках на фабрике в Воткинском заводе. См.: ЦГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2.
- ⁶⁷ Архив Российской Академии наук (Петербургское отделение). Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1090. Л. 21 об.
- ⁶⁸ Кондратьев Я. К. Сарапульский краеведческий музей: Краткий справочник-путеводитель. Ижевск, 1961. С. 4.
- ⁶⁹ Северные народные драмы: Сборник Н. Е. Ончукова. Спб., 1911.
- ⁷⁰ Ончуков Н. Е. Народная драма на Севере // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. 1909. Т. 14, кн. 4. С. 215.
- ⁷¹ См. письма Н. Е. Ончукова к А. С. Суворину: ЦГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3075.
- ⁷² Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1901—1916 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1981.
- ⁷³ См. из неупомянутых выше работ ученого следующие: Ончуков Н. Е.: 1) «Бряжка» // Живая старина. 1908. Вып. 1, Отд. 5. С. 121—122; 2) Свадебная сказка во время смотрин // Живая старина. 1908. Вып. 2, Отд. 5. С. 261—264; 3) Стихи про Александра II // Живая старина. 1916. Вып. 4. С. 327—328.
- ⁷⁴ См.: Иванова Т. Г. Н. Е. Ончуков и судьба его научного наследия // Русская литература. 1982. № 4. С. 126—137. См. также: Налепин А. Л. Фольклорно-этнографическая деятельность Н. Е. Ончукова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1988. Вып. 10. С. 76—94.
- ⁷⁵ Ончуков Н. Е.: 1) Запрещенные песни о Константине и Анне // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1929. Т. 2, кн. 1. С. 270—293; 2) Песни и легенды о декабристах // Звенья. М.; Л., 1935. Вып. 5. С. 5—43.
- ⁷⁶ ЦГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 72. Часть текстов нами подготовлена к печати для вновь созданного журнала «Живая старина».
- ⁷⁷ ЦГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 55, 32, 35, 12.
- ⁷⁸ Там же. Ед. хр. 86.